

Мухамеджанова Н.М.

доцент кафедры культурологии ОГУ, кандидат культурологии

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: КОНЦЕПЦИЯ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

В статье исследуется проблема совмещения различных методологических подходов к исследованию социокультурной динамики, а также сущность теории модернизации как неозволюционистской концепции социального развития. В основе авторской позиции – противопоставление понятий «культура» и «цивилизация», восходящее к традициям классической немецкой философии культуры.

В зарубежной и отечественной гуманитарной науке достаточно длительное время сосуществуют две альтернативные ориентации в исследовании всемирной истории, в том числе и истории культуры, имеющие под собой принципиально различные мировоззренческие основания. Одна из них – эволюционная, основанная на представлении о линейном, быстротекущем времени, характерном для западноевропейской ментальности эпохи Нового времени. Просветительская идея роста, прогрессирующего развития определяет специфические черты эволюционного подхода к социокультурной динамике: представления о единстве человечества и всего культурно-исторического процесса; о его движении к более совершенным формам общественного устройства, а в конечном счете – к некоему «идеальному» состоянию общества; признание существования в истории жестких и однозначных причинно-следственных связей и зависимостей, законов и закономерностей, определяющих развитие общества, европоцентризм, провиденциализм и др. Как частные случаи эволюционного подхода можно рассматривать концепции Э.Б. Тейлора, Л.Г. Моргана, Гегеля, О. Конта, формационный подход К. Маркса, а также различные концепции неозволюционизма, возникшие в XX веке, в том числе и теорию модернизации.

Другая историософская парадигма, выступающая как антитеза эволюционной, основана на циклическом переживании времени и идее постоянного круговорота, возвращения, восходящей к философии немецких романтиков. В современной гуманитарной науке она получила название цивилизационного подхода, в рамках которого выделяются две сосуществующие и конкурирующие между собой теории: теория стадийного развития (П.А. Сорокин) и теория локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер и др.). Основными идеями, провозглашаемыми сторонниками цивилизационного подхода, являются идеи множественности и уникальности культур, несопоставимости и несводимости друг к другу

различных культурных организмов, отрицание единства человечества и его истории, отрицание эволюционизма и европоцентризма.

Утверждение цивилизационного подхода к объяснению социокультурной динамики было связано с драматическими событиями XX века, которые привели к дискредитации идей прогресса, к крушению постулатов панлогизма, европоцентризма, «линейного» историцизма в истолковании культурного процесса. Эволюционные концепции, выступающие в течение длительного времени источником легитимации рациональных проектов переустройства общества в соответствии с представлениями об идеале, окончательно лишились доверия человечества. А в постмодернистскую эпоху подобные теории, претендующие на универсальность и верность теоретических конструкций «идеального общества», объявляются технологиями господства, скрытыми орудиями власти, подчиняющими человека внеличностным целям.

Однако утверждение этих идей нельзя считать окончательным переходом от парадигмы прогресса к парадигме множественности культур. Они сосуществуют и полемизируют друг с другом, выявляя слабые места в своих построениях, модифицируются, обретая новые возможности и сталкиваясь с новыми трудностями. Если эволюционный подход бессилён объяснить специфику каждого исторического организма, безразличен к культурному разнообразию, страдает упрощением и прямолинейностью в понимании исторического процесса, то цивилизационный подход в различных его вариантах, напротив, бессилён объяснить феномен повторяемости истории, не учитывает в должной мере преемственности и связей, возникающих между различными историческими организмами.

Все это порождает в гуманитарной науке различные попытки объединить два подхода, создать теорию, которая обеспечила бы их синтез и взаимодополняемость (см. 1). Однако далеко не со всеми попытками совмещения данных подходов можно согласиться. Так, Л.И.

Карташова, решая проблему совмещения формационного и цивилизационного подходов, утверждает, что цивилизационный подход выступает как доминирующий на стадии докапиталистической, предшествующей масштабной глобализации. Сегодня же «доминирующими оказываются не различия между цивилизациями, а между развитыми капиталистическими центрами и менее развитой мировой «провинцией». Все страны можно разбить на группы, в соответствии с повышением степени индустриализации: страны раннекапиталистического, среднекапиталистического и позднекапиталистического развития» (2, с. 67).

Следуя логике автора названной статьи, следует сделать вывод о том, что в капиталистическую эпоху цивилизационные (культурные) различия стираются, а на первый план выходят различия в уровне экономического развития. Однако, на наш взгляд, данный вывод, во-первых, не согласуется с наблюдаемой в настоящее время и получившей отражение в научной литературе тенденцией актуализации культурных различий и «столкновения цивилизаций». Во-вторых, обращает внимание неразличение автором статьи процессов, относящихся к культуре, с одной стороны, и к социальной, экономической, технологической составляющим общественной жизни – с другой. Поэтому точка зрения автора, представленная в статье, представляется и путаной, и недостаточно убедительной.

Представим свое видение данной проблемы, основываясь на тех представлениях о сущности культуры, цивилизации, которые сложились в классической философской и культурологической мысли.

Соглашаясь в целом с критикой недостатков эволюционного подхода к объяснению социокультурной динамики, нельзя не признать, что в современном мире, несмотря на все культурные различия, существуют общие культурные основы, общие представления о том, что такое «хорошее общество», иначе говоря, представления о том, какова цель Истории. И несмотря на все культурные различия, большинство людей, живущих в современном мире, смогут назвать критерии такого общества: права человека, равенство всех граждан перед законом, высокий уровень материального благосостояния, приемлемый социальный порядок, условия жизни, до-

стойные человека, и другие. В соответствии с данными критериями, вероятно, можно определить и степень приближения конкретного общества к данному идеалу. Большая же часть названных критериев относится, на наш взгляд, к тем цивилизационным достижениям, которые обеспечили восхождение человека от дикости и варварства к истинно человеческим формам существования и которые направлены на технологическое освоение природы и совершенствование регуляции общественной жизни.

Понятие «цивилизация» в данном случае имеет смысл, близкий тому, который был характерен для О. Шпенглера, Н.А. Бердяева, А. Вебера и многих других мыслителей. Так, например, А. Вебер видит в цивилизации выражение природного, земного начала, в культуре – выражение трансцендентного, абсолютного начала. В основе цивилизации лежит процесс рационализации, развития сознания человека, направленного на овладение природой и создание комфортной среды обитания. Рационализация есть «средство формирования существования, а не его сущность» (3, с. 35). Сущность же, по мнению мыслителя, выражается в культуре. О. Шпенглер считает главными чертами цивилизации «острую холодную рассудочность», интеллектуальный холод, практический рационализм, смену душевного бытия умствованием, развитие современной науки, прагматизм, иррелигиозность и тому подобные проявления.

Противопоставление этих понятий характерно и для Н.А. Бердяева, который в статье «О культуре» пишет: «Культура и цивилизация – не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки ее сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной... Культура – благородного происхождения. Ей передан иерархический характер культа... Цивилизация всегда имеет вид *parvenue*¹. В ней нет связи с символикой культа. Ее происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура всегда идет сверху вниз, путь ее аристократический. Цивилизация идет снизу вверх, путь ее буржуазный и демократический. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и всюду повторяющееся... Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия» (4, с. 523).

¹ Выскочка, ж. р. (франц.)

Подобная логика рассуждений позволяет нам сделать следующие выводы: цивилизация универсальна, культура уникальна, а следовательно, характер развития цивилизации отличен от характера развития культуры. Развитие цивилизации носит линейный, эволюционный характер; развитие же культуры циклично, поскольку культура как антиэнтропийный механизм вынуждена постоянно приспосабливаться к изменениям, порождаемым предметно-преобразующей деятельностью человека. Развитие цивилизации – прогрессивный процесс, проходящий определенные «ступени». Развитие культуры – не поступательное и прогрессивное движение вверх, а циклическое чередование продуктивности и непродуктивности, расцвета и упадка, разрушения старых и появления новых форм выражения новых душевных состояний.

Именно такое понимание процесса развития цивилизации мы встречаем у А. Вебера, который рассматривает процесс цивилизации как «единый процесс, пронизывающий судьбу человечества, существующий с самого начала исторического развития и проникающий в своеобразном, идущем по ступеням все исторические тела» (3, с. 36). Если в культурном развитии исторические тела уникальны и принципиально отличны друг от друга, то в цивилизационном развитии они соотносены друг с другом, подчинены единым ритмам. На это же различие указывает и Н.А. Бердяев: «Переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки по преимуществу материальные, как, например, употребление железа и т. п. Культура же древних народов на самых начальных ступенях своих очень своеобразна и неповторимо индивидуальна, как культура Египта, Вавилона, Греции и т. п.» (4, с. 523).

В свете такого понимания культуры и цивилизации различные концепции эволюционного подхода к объяснению человеческой истории (Гегель, Сен-Симон, К. Маркс, О. Конт и др.) возможно определить как концепции развития цивилизации, а не культуры, поскольку в качестве главных критериев развития в данных теоретических построениях выступают цивилизационные достижения, а именно: степень свободы, умственного развития, способ производства, развитие науки и позитивного знания и т. п.

Нелинейный (морфологический, цивилизационный) подход стремится постигнуть «душу» культуры, которая возникает, развивается, стареет и увядает, порождая символы своего су-

ществования и своей судьбы, «душу» культуры, которая может быть понята только «вчувствованием». А потому концепции нелинейного (морфологического, цивилизационного) подхода – это концепции развития культуры как уникального, неповторимого организма.

Развитие цивилизации и развитие культуры находятся в отношениях не прямой корреляции, а именно: бурное развитие цивилизации может сопровождаться кризисными процессами в культуре, поскольку культура перестает соответствовать возросшему интеллектуальному, технологическому потенциалу общества. Однако развитие цивилизации создает тот необходимый материальный фундамент, который делает возможным развитие культуры, появления и утверждения новых культурных форм, адекватных новой ситуации. Так, по К. Ясперсу, Осевому времени предшествовала «прометеевская эпоха», создавшая материальные условия для великого духовного прорыва. Как очередную «прометеевскую эпоху» рассматривает мыслитель и современный век развития науки и техники, за которым должен последовать «единый мир человечества на всей земле» – эпоха подлинного становления человека (см. 5).

Данный вывод уместен и по отношению к российской культуре: общепризнано, что реформы XVIII века подготовили золотой век русской литературы, а без Петра I не было бы ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Толстого, ни Достоевского. Подобное несоответствие развития культуры и цивилизации обусловлено тем, что сфера культуры обладает большей инерцией, консерватизмом, характеризуется наиболее медленными темпами изменений и в течение длительного времени сохраняет свою структуру и базовые ценности («ядро» культуры). Вследствие этого несоответствия и возникает конфликт между традиционными культурными установками и ценностями и новыми формами общественной жизни.

Необходимо подчеркнуть, что данные утверждения о соотношении цивилизации и культуры носят скорее гипотетический характер, нежели характер обоснованного, аргументированного суждения. Справедливость данной гипотезы, на наш взгляд, должна быть доказана на большом историческом материале, что может быть одной из задач исследований в области теоретической и исторической культурологии. Большой интерес в данном отношении представляет монография В.Ф.

Овчинникова «Феномен таланта в русской культуре», где на большом эмпирическом материале автор доказывает, что «творческие процессы, протекающие в культуре, не однолинейны, не плоскостны, а, скорее, волнообразные и многонаправленные» (6, с. 35).

Значительный материал для подобных исследований представлен также в монографии А. Назаретяна «Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории» (см. 7). Поскольку мораль, нравственность является главным конституирующим элементом любой культуры, а техника и технологии относятся к достижениям цивилизации, то закон технико-гуманитарного баланса, сформулированный и обоснованный мыслителем, может быть осмыслен и переформулирован следующим образом: чем выше уровень цивилизационного развития человечества, тем более совершенной должна быть его культура.

На наш взгляд, современный кризис культуры может быть также истолкован как выражение несоответствия между развитием цивилизации и культуры, достигшего критического предела. Он обусловлен тем, что мощный рывок в цивилизационном развитии человечества сделал неэффективными прежние культурные механизмы обеспечения социального порядка, вызвав потребность в формировании новых культурных форм, адекватных новым возможностям человечества. Данное представление о динамике культуры и цивилизации, их соотношении и взаимосвязи может служить единым теоретическим фундаментом, объединяющим различные исследовательские позиции по проблеме кризиса культуры, а также многочисленные проявления кризисной культуры, отмечаемые разными авторами. Так, дисбаланс между развитием цивилизации и культуры может рассматриваться как несоответствие (конфликт) между:

- материальным прогрессом и прогрессом духовным (А. Швейцер);
- материальными ценностями и ценностями духовными (Й. Хейзинга);
- «волей к жизни» и «волей к культуре» (Н.А. Бердяев);
- совершенствованием вещей и совершенствованием людей (Г. Зиммель);
- человеком механическим и человеком органическим (П. Муратов);
- модусом обладания и модусом бытия (Э. Фромм);

– технологическим и социально-духовным ростом (А. Тойнби);

– природным началом и началом культурным (Й. Хейзинга);

– целями общественного развития и его средствами (Э. Фромм, Н.А. Бердяев, Г. Зиммель);

– технико-механическим началом и началом органически-жизненным; стандартизацией и самобытностью, рационализацией и спонтанностью (О. Шпенглер) и т. д.

Рассмотрим с данных позиций теорию модернизации, которая активно разрабатывается в социальной науке во второй половине XX века для объяснения процессов, происходящих в различных странах мира в поствоенный, постколониальный период. В подавляющем большинстве работ, посвященных данной проблеме, модернизация определяется как переход от традиционного общества к современному (от аграрного к индустриальному). Достижение же современности связывается с такими чертами общества, как индустриализация, развитие науки и технологий, базирующихся на научном знании, социальная дифференциация, демократическая система власти, создание системы юридических законов, массовое образование, урбанизация, рационализация общественного сознания и т. д.

Следует также отметить, что в современной науке теория модернизации трактуется как концепция социального развития, несущая на себе все «родимые пятна» эволюционизма, а именно: рассмотрение модернизации как общечеловеческого, единого и единственного пути развития всех стран мира независимо от их исторической и культурной специфики; признание универсальности законов, принципов, институтов, определяющих достижение современности разными странами; рассмотрение Запада в качестве «идеального образца», цели развития, по степени приближения к которому может быть оценен успех (или неуспех) любой «туземной» модернизации; выделение главного фактора модернизации, который рассматривается как двигатель общественного прогресса, преобразующий все другие сферы общественной жизни (например, экономика, технология), и т. д.

Таким образом, модернизация рассматривается как линейное движение общества от «отсталости» к современности со всеми мировоззренческими и методологическими следствиями, характерными для эволюционной парадигмы. Данное обстоятельство послужило основанием для серьезной критики теорий модерни-

зации со стороны представителей как западной, так и отечественной науки.

Однако, на наш взгляд, те черты современности, которые выступают как цели общественного развития в модернизационных теориях, позволяют определить модернизацию как процесс, осуществляющий цивилизацию, и в силу этого порождающий тот же дисбаланс между развитием культуры и цивилизации, о котором было сказано выше. И именно дисбаланс между развитием культуры и цивилизации является главным источником того социального состояния, которое в современной научной литературе получило название кризиса модернизации и от разрешения которого зависит судьба любой модернизации. Цивилизационные изменения, осуществляемые в модернизирующемся обществе, вступают в противоречие с веками сложившейся культурой, и если они не находят соответствующего «подкрепления» в культуре, возможен откат общества в сторону традиционализма, «пробуксовка» реформ.

Таким образом, проблема совмещения цивилизационного и формационного подходов, исходящая из их противоречивости, альтернативности, оказывается несуществующей проблемой (или квазипроблемой), если при ее рассмотрении исходить из того понимания сущности культуры, цивилизации и модернизации, которое сложилось в классической философской традиции. В частности, такое понимание было характерно для немецкой философии, которая всегда противопоставляла понятие «культура» и «цивилизация».

Следует также отметить, что теория модернизации, возникшая в 50-е годы XX века, уже к концу века претерпевает существенные изменения, дополняясь идеями нелинейности, многовариантности, альтернативности путей социального развития, зависимости этих путей от культурной специфики той или иной страны – идеями, которые оказываются созвучными представлениям о социокультурной динамике, характерным для постнеклассического этапа развития науки. Если раньше считалось, что

модернизация – универсальный, линейный процесс, радикальные изменения в жизни общества в соответствии с «эталонном», в роли которого выступала западная цивилизация, то сегодня в мире утверждается идея многообразия путей модернизации: путь, по которому развивается та или иная страна, определяется ее внутренним выбором. Если раньше расхождение с западно-европейским образцом расценивалось как незавершенность модернизации, то сегодня множественность путей модернизации становится нормой, а западное общество, которое в течение нескольких столетий выступало образцом для подражания, в современном мире утрачивает данный статус. В современном мире при определенном *сходстве целей* реализуются *различные пути* достижения данных целей. Представление о модернизации как едином процессе в соответствии с единым образцом критикуется как попытка создать некий идеал, чреватый авторитарными последствиями. Более актуальным сегодня становится выбор образцов или комбинация различных их элементов в соответствии с культурными особенностями той или иной страны, а наиболее продуктивной моделью развития общества в современных условиях трансформации самого Запада является «национальная модель модернизации», возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации (С. Хантингтон).

Как указывает Э. Аллард, даже в самих западных странах нет общего, одинакового модерна: нет одинаковых моделей институтов, социальной структуры и культурных ориентаций, но есть «множественность модернов» (8, с. 61). Поэтому все попытки модернизации в современном мире сопровождаются непрерывным отбором, новой интерпретацией и новыми формулировками западных идей. Таким образом, в эпоху постмодернизма релятивизируется само понятие «модернизация», а односторонняя и абстрактная теория приобретает характер многомерной и эластичной по отношению к реальности концепции социального развития.

Список использованной литературы:

1. Ковалев А. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность, 1996, №1.
2. Кондрашова Л.И. Проблема периодизации исторического процесса с точки зрения теории формаций, модернизации и синергетики // Синергетика: человек и общество. – М.: Изд-во РАГС, 2000.
3. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. – СПб: Университетская книга, 1998.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х тт. – М.: Искусство, 1994.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.
6. Овчинников В.Ф. Феномен таланта в русской культуре. – Калининград: Янтарный сказ, 2001.
7. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М.: ПЕР СЭ, 2001.
8. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социс, 2002, №9.